

оптимизма — свои исторические основания. Но здесь его мечта формирована незамысловатым, естественным образом, посредством простых человеческих измерений. Это вера „в счастье грядущее... в то, что завтра жизнь станет лучше, станет умнее“¹. [...]

Мир экзистенциального ада и мир мечты-веры предстают двумя противоположными лицами бытия. У Вапцарова они представлены нравственно, эстетически и по-житейски непосредственно — с учетом человека, исходя от него и возвращаясь к нему. И сливаются они в

¹ Перевод Б. Слуцкого. См. *Вапцаров, Н. Песни мотора*. С., София-пресс, 1979; *Вапцаров, Н. Стихотворения*. С., Свят, 1984.